

Куклин Никита Сергеевич

ассистент кафедры ТИМО РУДН,
аспирант РУДН,
Россия, Москва,
kouklinesawicki@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-5715-847X>

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОСТРЕФОРМАЦИОННОЙ ИНДОНЕЗИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Либеральная демократия, теория демократического мира и ряд других либеральных теорий сегодня прочно ассоциируются с западным миром и глобализационной моделью развития. Критики данного направления обращают внимание на необходимость учитывать объективные различия в подходах к восприятию демократии в разных странах и социокультурных общностях. Индонезия – один из наиболее ярких примеров самобытного восприятия демократии на разных общественно-политических уровнях, что проявляется и в национальной идеологии, и в народном сознании. В данной статье предполагается рассмотреть индонезийские подходы к определению демократии и их влияние на реализацию внешней политики Индонезии на мировой арене исходя из этих базисных основ.

Ключевые слова: *Индонезия, Юго-Восточная Азия, политика, дипломатия, демократия, политическая история, идентичность, идеология*

Для цитирования: *Куклин Н.С.* Демократические тенденции во внешней и внутренней политике постреформационной Индонезии: исторический аспект // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том II, № 2 (51). С. 333–354. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-333-354

© Куклин Н.С., 2021.

Статья подготовлена научного проекта (гранта) РФФИ «Аспиранты» № 20-314-90007 «История внешней политики Индонезии 1998-2019 гг. с точки зрения цивилизационного подхода и комплексных региональных исследований».

Democratic Trends in Foreign and Domestic Policy of Post-Reformation Indonesia: Historical Aspect

Abstract: Liberal democracy, the theory of a democratic world and a number of other liberal theories today are strongly associated with the Western world and the globalization model of development. Critics of this trend draw attention to the need to take into account objective differences in approaches to the perception of democracy in different countries and sociocultural communities. Indonesia is one of the most striking examples of the distinctive perception of democracy at different socio-political levels, which manifests itself both in national ideology and in the people's consciousness. This article is supposed to consider the Indonesian approaches to the definition of democracy and their impact on the implementation of Indonesia's foreign policy in the world arena based on these basic foundations.

Keywords: *Indonesia, Southeast Asia, politics, diplomacy, democracy, political history, identity, ideology*

Nikita S. Kuklin, Assistant at the Department of Theory and History of International Relations, post-graduate student RUDN University, Russia, Moscow, kouklinesawicki@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5715-847X>

For citation: Kuklin N.S. Democratic Trends in Foreign and Domestic Policy of Post-Reformation Indonesia: Historical Aspect. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, Т. II, № 2 (51). Pp. 333–354. DOI:10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-333-354

Введение

Сегодня многие индонезийцы от представителей элит до простых граждан убеждены, что Индонезия – это демократия, а демократические принципы всегда были особенностью индонезийского общества и политической системы страны. За этим утверждением действительно скрывается долгая история развития демократических идей в индонезийском обществе от средневековых общинных социальных норм справедливости и эпох либеральной и направляемой демократии Сукарно до Демокра-

тии Панча Сила постсухартовской реформационной Индонезии. Не менее важными являются современные концепции о роли Индонезии в мире в качестве демократического государства. Подобные концепции все больше привлекают внимание политиков и ученых, представляющих западный мир и западную политическую мысль соответственно. Это приводит их к попыткам научного поиска элементов и институтов западной неоллиберальной демократии в индонезийском обществе в стремлении доказать, что Индонезия близка к преодолению (или уже преодолела) старых социальных и экономических проблем и готова пополнить ряды демократических государств современного глобального мира¹.

Так в недавнем заявлении Госдепартамента США по случаю визита Госсекретаря США М. Помпео в Джакарту 28 октября 2020 г. отмечалось, что стратегическое партнерство Индонезии и США основано на «непреложной вере в ценности демократии и свободного рынка»².

Помимо политиков, некоторые ученые также стремились не к изучению особенностей уникальной индонезийской идентичности и социокультурных демократических основ этого общества, а пытались обосновать присутствие определенных «маркеров демократии» в политической и социальной сферах³.

Так за предвестников демократии западные ученые часто воспринимают, новые законы и трансформации периода Реформации^b, развитое женское движение (как показатель роста влияния феминистского дискурса)⁴, наличие независимых государственных комиссий для борьбы с авторитарными институтами, как, например, Комиссия по противодействию коррупции (КПК) или наличие института всенародных демократических выборов.

Так или иначе, неучтенность социокультурного контекста или его подстраивание под рамки демократической западной теории, на взгляд автора, не может дать объективной оценки и ответа на вопрос, о том, что такое индонезийская демократия и как она влияет на внутреннюю и внешнюю политику страны.

^b Период в истории Индонезии и масштабное протестное движение против режима Нового Порядка президента Сухарто в 1998–2004 гг. запустившее коренные преобразования всех ветвей власти и ключевых законов страны в сторону либерализации и демократизации.

Таким образом, автор считает, что при комплексном исследовании изучения индонезийской демократии, являющейся одной из базовых основ политической культуры страны, необходимо, прежде всего, определить ее идейно-философскую природу и ее место во внутривнутриполитическом контексте. Также автор предпринимает попытку рассмотреть влияние идей демократии на проведение внешней политики страны и позиционирование Индонезии на мировой арене.

Понимание демократии президента Сукарно и демократия Панча Сила

Панча Сила – ныне действующая и закреплённая в Конституции 1945 г. идеология и философская идея, определяющая основы индонезийского государства, исторически обладала универсальностью по отношению к другим социальным и политическим идеям, выступая своего рода зонтичным конструктом для остальных идеологий и моделей развития, адаптируя их под реалии многонационального и многоконфессионального индонезийского государства⁵. По сей день Панча Сила выступает объединительным фундаментом, закрепляющим территориальную целостность, языковую и национальную индонезийскую идентичность и ключевой для Индонезии принцип религиозного баланса. Все эти составляющие чрезвычайно важны для уникальной индонезийской модели государственности. Политическая дальновидность позволила Сукарно объединить позиции религиозных деятелей, лидеров социалистов, светских националистов и многие другие идеи такой разной и самобытной Индонезии⁶.

Сукарно смог создать уникальную концепцию, так как опирался на исторический опыт государственности, философию яванской традиционной общины, принципы социальной справедливости, религиозного синкретизма, при учете религиозных догматов и культурных норм народов Индонезии.

В своей финальной версии, закреплённой в Конституции Индонезии 1945 г. Панча Сила провозглашает пять принципов: Вера в единого бога; Справедливая и цивилизованная гуманность; Единство страны; Демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства;

Осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии.

Большую роль в становлении Панча Сила сыграли и более ранняя сукарновская концепция Мархаэнизма^c и идеи Исламского социализма учителей Сукарно из движения Сарекат Ислам^d. С точки зрения либерального направления политической мысли для Панча Сила свойственны многие элементы современного демократического общества, однако она не тождественна западной либеральной демократии, а ее основы проистекают из самобытной социокультурной базы народов Нусантары. В условиях антиколониальной борьбы и с учетом политических реалий Сукарно предложил пять принципов ранней версии Панча Сила от 1 июня 1945 г: Индонезийский национализм (Kebangsaan Indonesia); Интернационализм или гуманизм (Internasionalisme / Perikemanusiaan); Решение всех вопросов консенсусом или демократия (Mufakat / Demokrasi); Социальная обеспеченность (Kesejahteraan Sosial); Вера в единого Бога (Ketuhanan Yang Maha Esa).

Следует отметить, что как в конституционной финальной версии, так и в изначальных предложениях Сукарно демократия занимала существенное место в национальной философии, как один из ее принципов. При этом понимание самой демократии Сукарно и корни такого понимания хорошо прослеживаются именно в ранней версии Панча Сила, которая изобилует терминами яванской общинной жизни и той модели яванской деревни, которую Сукарно идеализировал еще в рамках Мархаэнизма.

Немаловажно и то, что структура пяти принципов также предстает социально-ориентированной внутри и во вне. Опять

^c Мархаэнизм – антиколониальная политическая теория, разработанная Сукарно в 1933 г. на базе идей яванской общины, представляла собой народническое восприятие социализма. Понятие «мархаэн», с точки зрения Сукарно, включало в себя не только пролетариат и крестьянскую бедноту, но и другие малоимущие слои города и деревни, а так-же всех угнетаемых колонизаторами.

^d Чокроаминото и Агус Салим – учителя Сукарно из мусульманского антиколониального движения Сарекат Ислам считаются авторами теории исламского социализма, предполагающей, что учение Корана и пророка Мухаммеда совместимо с принципами социальной справедливости, свободы и равенства европейской политической мысли.

же, при обращении к ранней версии формулировки Панча Сила мы можем обратить внимание на идеи интернационализма, гуманизма, социальной обеспеченности и других принципов, основанных на социальной справедливости.

Здесь мы сталкиваемся с ключевым отличием двух «демократий» (индонезийской и западной) и можем говорить о том, что основанное на яванских общинных принципах понимание демократии Сукарно уделяет ключевое внимание не экономическим, правовым и политическим моделям, как западная философская мысль, но, прежде всего, ставит во главу угла социальную сферу, которая, по мнению Сукарно, и должна была выступить базой общества в рамках демократии Панча Сила.

Особое понимание демократии Сукарно появилось и в модели управления государством в период Либеральной демократии (1950–1957 гг.) и в период Направляемой демократии (1957–1966 гг.). Временная конституция 1950 г. заметно отличалась от Конституции 1945 г. во многих отношениях; она ввела мандат парламентской системы правления и подробно изложила конституционные гарантии прав человека, опираясь в значительной степени на Всеобщую декларацию прав человека ООН 1948 г. Конституция 1950 г. был отменена в июле 1959 г., после издания президентом Сукарно указа о роспуске Конституционного собрания и восстановлении Конституции Индонезии 1945 г.

Возникновение и развитие политических партий во второй половине XX в. и достигнутые между ними соглашения о распределении мест в кабинетах привели к быстрой смене коалиционных правительств, включая 17 кабинетов в период с 1945 по 1958 г. Многократно отложенные парламентские выборы были наконец проведены в 1955 г.; Национальная партия Индонезии (ПНИ), считающаяся партией Сукарно, возглавила список, Коммунистическая партия Индонезии (ПКИ) получила весомую поддержку, но ни одна партия не получила более четверти голосов, что сохранило политический ландшафт страны в неизменной форме.

К 1956 г. Сукарно открыто критиковал парламентскую демократию, заявляя, что она «основана на врожденном конфликте», что противоречит индонезийской концепции гармонии

как естественного состояния человеческих отношений. Вместо этого он предложил систему, основанную на принципах традиционной общинной системе обсуждения и консенсуса, которая происходила под руководством деревенских старейшин. Он также предложил триединый акроним Nas-A-Kom: nasionalisme («национализм»), agama («религия») и komunisme («коммунизм») в качестве основы единого подхода для формирования коалиционного правительства. В тот период это было необходимо, для примирения и нахождения консенсуса между тремя главными фракциями в индонезийской политике – армией, исламскими группами и коммунистами. При поддержке военных он предложил в феврале 1957 г. сформировать новый режим «направляемой демократии» и предложил состав кабинета, представляющий все важные политические партии. Так, при особом влиянии Сукарно парламентская демократия в западном стиле прекратила существование в индонезийском дискурсе до выборов 1999 г. и эпохи реформ.

Таким образом, демократия Панча Сила может быть определена как социально-религиозная форма общественного устройства, нацеленная на баланс между интересами личности и общества, стремящаяся предотвратить угнетение слабых и менее защищенных слоев населения более сильными социальными группами, основанная на ценностях традиционной яванской общины.

Период президента Сухарто «возрождение демократии» в условиях Нового Порядка

Политика президента Сухарто позволила перевести Индонезию на новый путь развития, его режиму Нового Порядка^е удалось привлечь иностранные инвестиции, создать промышленность, сферу услуг, мощную армию, а также сформировать традиции госуправления и превратить Индонезию в одного из лидеров региона. Именно за 30 лет его правления, особенно после событий 1965 г. и подавления попытки левого переворота, произошло укрепление положения армии в обществе, и генерал Сухарто закрепил за ними так называемую двойную функцию

^е В противовес Старому Порядку Сукарно

(Dwifungsi), когда именно на военных была возложена ответственность и за социально-политическое состояние общества. Все остальные политические силы оказались подконтрольны военным и чиновникам (бюрократам).

При Сухарто Панча Сила из философии Независимости стала полноценной идеологией, наряду с общеиндонезийской идентичностью.

Однако, у режима Нового Порядка были и слабые стороны в лице бюрократии, nepотизма, коррупции, волюнтаризма силовых структур и сращивания крупного бизнеса с государственной властью при жестком контроле последней.

В этих условиях Сухарто, с одной стороны, не мог отрицать наследие Сукарно, но и не мог опираться на идеи отца-основателя страны, которые тот провозгласил в последние годы своего правления, поскольку они были на его взгляд достаточно левыми, абстрактными и неэффективными. По мнению А.Ю. Другова, «В сфере идеологии “новый порядок” широко использовал наследие Сукарно, стремясь вместить реальности капиталистической модернизации социальных отношений в рамки его национал-народнической доктрины, но полностью отвергая относительный плюрализм, присутствовавший в “направляемой демократии”»⁷.

Сухарто видоизменил некоторые положения Панча Сила в сторону всеобъемлющей идеологии со своим набором символов, одним из которых стал Сукарно. Как выражался Сухарто «я должен одновременно вознести его высоко и закопать как можно глубже»⁸. Идея демократии, таким образом, вышла из политического поля вместе с фигурой Сукарно, но стала прочно ассоциироваться именно с личностью первого президента, что сыграет свою роль в дальнейшем в ходе периода Реформации.

Политический процесс при авторитарном Новом Порядке Сухарто также сохранил линию позднего Сукарно на сокращение числа политических партий в парламенте при определяющей роли одной главной партии президента. Относительно сухартовской системы мы можем наблюдать формирование такой ограниченной партийной системы уже в начале 1970-х годов. Необходимо, при этом учитывать, что давление Сухарто на религиозные группы и партии и открытые репрессии против ком-

мунистов привели к тому, что Панча Сила стала центральной (зонтичной) идеологией уже в прямом практическом смысле, так как помимо какой-либо светской или религиозной идеологии партии должны были установить Панча Сила своей первой и главной основой, что собственно окончательно закрепило в индонезийской политической культуре такие понятия как «Демократия Панча Сила» и «Ислам Панча Сила».

При правлении Сухарто «выжившие» политические партии «Старого Порядка» были вынуждены объединиться в два политических блока – исламский и «светский». Светский блок представляла группа демократического развития, состоящая из партии Мурба, Национальной партии Индонезии (PNI), Лиги сторонников независимости Индонезии (IPKI), Католической партии и Индонезийской христианской партии (Parkindo), позднее преобразованной в Демократическую партию Индонезии (ДПИ). Аналогичным образом исламские партии вошли в состав Партии единства и развития (ПЕР).

Можно сказать, что демократы стали олицетворять Панча Сила версии Сукарно и, таким образом, сохранили саму идею демократии в поле политического спектра, также как и исламскому блоку удалось сохранить исламский дискурс внутри общенациональной идеологии.

По итогам некоторых примечательных парламентских выборов 1970-х гг. партии пусть и не могли соперничать с партией Сухарто Голкар, но получали достаточно большое количество голосов, что вызывало обеспокоенность власти Нового Порядка на поздних этапах. Однако демократы неизменно оставались на третьем месте по итогам выборов и пользовались большей поддержкой президента как противовес религиозным силам из ПЕР⁹.

На выборах 1977 г. Сухарто решил использовать ДПИ в качестве противовеса Голкару и ПЕР. В первую очередь, президент назначил члена ДПИ на пост министра внутренних дел — один из ключевых в правительстве. Тогда же по инициативе правительства началась кампания по увековечиванию памяти первого президента страны Сукарно¹⁰. В 1977 г. Сукарно был торжественно перезахоронен, ему был присвоен почётный титул «Герой Провозглашения» — в память о том, что в 1945 г. под

его руководством была провозглашена независимость Индонезии. Эта кампания привела к определенному росту влияния ДПИ, так как наиболее влиятельная из ее фракций — НПИ — во время правления Сукарно пользовалась его поддержкой и позиционировала себя как наследница его идей.

В 1993 г. председателем партии вместо известного деятеля НПИ Сурьяди была избрана дочь Сукарно – Мегавати Сукарнопутри, что спровоцировало политическую борьбу уже внутри самих демократов из-за последующего кризиса. Результаты партийных выборов не были признаны правительством, настаивавшим на избрании лидером партии своего кандидата – Буди Харджоно. Созванный в том же году внеочередной съезд ДПИ в июне 1996 г. в Медане, вновь избрал председателем Сурьяди. Мегавати, не допущенная властями на съезд, отказалась признавать его итоги, также считала себя законным лидером ДПИ; при этом под контролем сторонников Мегавати осталась штаб-квартира партии в Джакарте. Утром 27 июля 1996 г. сторонники Сурьяди попытались силой отбить ее, однако, сторонникам Мегавати удалось ее удержать¹¹.

После этого ДПИ раскололась на две фракции, из которых только фракция Сурьяди была признана правительством и получила право участвовать в парламентских выборах 1997 г., получив там, однако, всего 3% голосов. Фракция Мегавати, лишенная возможности самостоятельно участвовать в выборах, смогла заручиться гораздо большей поддержкой избирателей, выставив своих кандидатов в блоке с ПЕР.

21 мая 1998 г. из-за массовых антиправительственных демонстраций Сухарто был вынужден уйти в отставку. Новое руководство страны провело либерализацию партийного законодательства, отменив положения об ограничении числа зарегистрированных партий. В связи с этим в октябре 1998 г. фракция Мегавати была преобразована в Демократическую партию борьбы Индонезии, ныне ведущую партию в парламенте.

Гибкая постреформационная демократия

В западной и индонезийской научной среде часто встречается сравнение Реформации в Индонезии с Перестройкой в СССР, так как падение старого режима знаменовало для многих

теоретиков начало процесса демократизации Индонезии, который окончательно завершился при президенте Сусило Бамбанг Юдойоно в 2004 г. с первыми всенародными выборами президента, которого до этого избирал парламент. Демократия стала одним из лозунгов реформационного периода и символом обновления политических элит и их мышления. Так в 2004 г. Юдойоно, выдвигавшийся от Демократической партии при поддержке Демократической партии государственности, противостоял Демократической партии Борьбы Индонезии Мегавати Сукарнопутри.

Демократия оказала положительное влияние и на формирование внешнеполитического имиджа страны, в особенности после Тиморского конфликта (1975–1999).

При этом можно отметить, что демократия пусть и изменила внутренний дискурс, конфигурация элит сухартовской эпохи поменялась незначительно. В этой ситуации особым образом проявилась уникальная гибкость постреформационной демократии, характерная ее черта, которую она переняла у особенностей Панча Сила. Со временем, в мире индонезийскую демократию стали воспринимать в рамках трех основных типов: 1) успешная незападная демократия (развивающиеся страны), 2) самая большая мусульманская демократия (Мировая Умма, страны БСВ), 3) пример освобождения от авторитаризма в сторону прав человека, свободной экономики и интеграции с миром (Западный мир).

Каждый из этих типов восприятия индонезийской демократии эволюционировал в зависимости от политики, проводимой определенным президентом страны. Однако индонезийская модель в очередной раз обозначила свое несоответствие классическим представлениям о демократии в глобальном сообществе. Здесь можно выделить ряд признаков, отвечающих на вопрос: почему постреформационная Индонезия — это не демократия в классическом западном смысле. Так, несмотря на отход от авторитарного режима Нового Порядка и демократические изменения в законах, элиты сохранили свою власть и финансовые активы, о чем уже упоминалось ранее¹².

Это подкреплялось тем, что основой функционирования новых элит стали не провластные фонды (Yayasan), а политиче-

ские партии, воспринимаемые как агенты гласности и демократии, при этом сохранившие большинство старых политиков у руля. Последующие президенты Индонезии, в свою очередь, так или иначе, принадлежали к традиционным элитам (Хабиби воспринимается как сподвижник Сухарто; религиозный деятель Абдуррахман Вахид; Мегавати – как дочь Сукарно, и Юдойоно – как профессиональный военный). Изменения в обществе также пробудили старые политические силы и подавляемые элиты, но не новых либеральных демократов, т.е. фактически открыли дорогу сукарновским партиям, которые идентифицировали себя в демократическом спектре, и мусульманским партиям, которые восходили еще к старым партиям, таким как Машуми и Нахда-тул Улама в ее партийном статусе (1952–1973 гг.).

Также на современном этапе некоторые исследователи отмечают, что государственная власть все больше склонна к авторитарной внутренней политике, религиозному и националистическому консерватизму, наблюдаемому в среде партий, открыто или опосредованно поддерживающих эти идеологии, в особенности на фоне недавнего политического кризиса 2019 г., связанного с выборами президента и использованием радикально-националистического фона различными политическими силами¹³.

Важно отметить, что несмотря на существование аргументов, подтверждающих самобытность индонезийской демократии, наблюдается и ряд черт, которые индонезийская версия успешно разделяет со своим западным аналогом. Эти черты, как уже было упомянуто, часто определяются как маркеры демократии и выступают в качестве доказательной базы.

Например, одним из явлений общественно-политической жизни Индонезия является общественный протест, следовательно, многие значимые политические решения сопровождаются митингами, на улицы выходят люди, представители разных взглядов, от религиозных движений до светских протестных групп за права женщин или меньшинств. Во многом, подобная традиция действительно появилась благодаря Реформации, однако митинги провластного типа встречались и при Сухарто, а для сукарновской эпохи массовый протест, поначалу антиколониальный,

а затем и внутриполитический, был нормальным явлением для коллективистской природы индонезийского общества.

Не менее привлекательным достижением Реформации и ее итогом является установление традиции выборности власти и института всеобщих выборов, т.е. выборов президента, вице-президента и основных партий парламента.

В 2004 г. прошли первые прямые демократические выборы и был избран президент Сусило Бамбанг Юдойоно, затем в 2014 г. избран и в 2019 г. переизбран Джоко Видодо, при котором избирательная система дважды прошла настоящую проверку на прочность.

Политические противники Джоко Видодо, в частности Прабово Субианто, бывший зять Сухарто, военный и влиятельный политик, неоднократно подавал судебные иски в Конституционный суд по результатам выборов, стремясь их оспорить. На улицы выходили сторонники кандидатов и полиция для подавления масштабных протестов, но в итоге, суд утверждал выборы, и срабатывала «система сдержек и противовесов». Сегодня, на фоне противостояния Байдена и Трампа индонезийцы искренне гордятся этим достижением и считают, что американцы могли бы «поучиться у Индонезии» как решать такие споры в рамках закона. Наряду с этим, по итогам выборов 2019 г. Джоко Видодо, удалось сформировать Кабинет, в котором за одним столом мы видим националистов, религиозных активистов, военных, изобретателей, правозащитников, либеральных экономистов, карьерных политиков и даже главного конкурента действующего президента – Прабово Субианто – на посту министра обороны.

Еще одним важным элементом индонезийской демократии является и тот факт, что в стране существуют независимые правительственные комиссии и службы, задача которых напрямую бороться со злоупотреблениями власти, как, например, знаменитая Комиссия по противодействию коррупции (Komisi Pemberantasan Korupsi), ставшая настолько легендарной, что когда в сентябре 2019 г. Совет народных представителей принял законопроект о внесении изменений в закон № 30/2002 «О Комиссии по противодействию коррупции», ограничивающий независимый статус комиссии и включающий ее в состав государ-

ственных органов через создание наблюдательного совета по надзору, тысячи молодых людей снова вышли на баррикады, а в столкновениях с полицией пострадало более 40 человек.

Идеологическая структура, заложенная при Сукарно прямо, или косвенно по сей день влияет на широкий спектр идеологий и политический плюрализм. Помимо новых и старых партий в Индонезии сильно развиты религиозные организации или движения за права социальных групп, таких, как например, движения Картини – за права женщин, Ассоциация учителей Индонезии и городские, и сельские фонды по сохранению культурного наследия. Жизнь индонезийца так или иначе проходит в привязке к какой-либо организации или партии. Представители этих партий и движений имеют свои собственные структуры обучения и подготовки кадров, лояльных традиции их организации, семьи или клана, а религия, политика или армия может быть хорошим социальным лифтом для любого гражданина¹⁴.

У крупнейших в стране мусульманских организаций Мухаммадия и Нахдатул Улама существуют свои религиозные и светские школы, колледжи и даже научные центры, фонды помощи и структуры, функционирующие на принципах шариатского банкинга. Не менее влиятельны христианские религиозные организации и фонды, католические и протестантские университеты, имеющие широкую сеть связей за пределами страны и адаптирующие некоторые зарубежные стандарты в обучении. Таким образом, власть в стране опирается не только на разнообразные политические партии, но и социальные группы, имеющие влияние в различных сферах и аккумулирующие ресурсы и направления деятельности в определенных рамках, что придает социально-политическому спектру Индонезии особое разнообразие, позитивно воспринимаемое также и в западном дискурсе.

Необходимо также отметить, что особая ценностная база Индонезии формирует и довольно самобытную ситуацию внутри политического спектра страны, допуская гармоничное сосуществование разнообразных политических сил. Совокупность этих факторов позволяет Индонезии проецировать себя в мире как гибкий и комплексный образ демократии.

Демократические новаторы в дипломатии

Демократическая традиция в Индонезии, безусловно, является не только частью внутриполитической жизни, но и проецируется на внешнюю политику страны. Здесь демократичность Индонезии проявляется в приверженности особым ценностям и следовании определенному имиджу на международной арене. Классический индонезийский внешнеполитический курс менялся незначительно от Сукарно до Реформации и не претерпел существенных изменений в своих концептуальных основах за десятилетия, опираясь на Панча Сила и доктрину «Активной Независимости», сформированную еще первым Вице-президентом Мохаммадом Хатта в период обретения государственности. В 1999 г. в Индонезии был принят «Закон № 37 о внешних связях», в котором отмечалось то, что внешняя политика Индонезии должна служить национальным интересам и быть независимой и активной.

В Разъяснении к Закону № 37 1999 г. раскрывается содержание этой формулы, как его трактуют индонезийские власти в первом десятилетии XXI века. Подчеркивается, что это не политика нейтралитета, а свободный внешнеполитический курс в отношении международных проблем, не связанный априори ни с одной из мировых сил или группировок. Независимая и активная внешняя политика должна вносить аналитический и практический вклад в разрешение споров, конфликтов и других мировых проблем

Таким образом, даже некоторые изменения в формулировках не сменили основной сути внешней политики, однако фактически мы можем увидеть новаторские шаги, предпринятые в условиях Реформации новыми президентами.

К моменту общенационального кризиса 1998 г. будущий первый реформационный президент Бахаруддин Юсуф Хабиби был одним из самых влиятельных людей в окружении президента Сухарто и правящей партии Голкар. После избрания Сухарто уже на седьмой срок, Бахаруддин Юсуф Хабиби стал вице-президентом Индонезии. Он взял на себя смелость принять власть в условиях тотального политического хаоса и приложил немало усилий для сохранения единства страны. В тяжелые для

страны времена падения режима Сухарто, народных восстаний и азиатского финансового кризиса 1998 г. Хабиби удалось стабилизировать ситуацию в стране и положить начало периоду Реформации.

На срок его президентства пришелся и референдум в Восточном Тиморе, положивший конец кровавому конфликту времен Сухарто. Смелость Хабиби по вопросу референдума была также оценена экспертным сообществом как поворот Индонезии в сторону мирной дипломатии.

При этом, сложность его положения заключалась в том, что сам Хабиби имел напряженные отношения как со старыми, так и новыми элитами и несмотря на все попытки изменения политического курса Хабиби уже в 1999 г. уступил президентское кресло известному деятелю исламской оппозиции из организации Нахдатул Улама Абдуррахману Вахиду.

Абдуррахман Вахид известный также как Гус Дур – внук организатора старейшей исламской организации страны Нахдатул Улама (NU) (1926 г.), сын ее лидера и бывшего министра по делам религии в правительстве Сукарно Вахида Хашима и четвертый президент Индонезии – крайне интересная фигура в индонезийской политике.

Университетский интеллигент, журналист, религиозный деятель, Абдуррахман Вахид относится к тем постсухартовским президентам, которых недооценили при жизни и постепенно начинают оценивать сейчас. Гус Дур сделал многое для урегулирования сепаратизма в Ачехе и Папуа и приложил значительные усилия по продвижению умеренного «индонезийского ислама» (который и является основой NU) в противовес деятельности радикальных движений. Абдуррахман Вахид вошел в историю как последовательный сторонник религиозной терпимости, плюрализма, утверждения демократических начал в политической жизни полиэтничной и поликонфессиональной страны. Главным демократическим шагом Вахида помимо поддержки религиозной толерантности называют и его стремление к улучшению отношений с Израилем, что было чрезвычайно смелой идеей для религиозного лидера¹⁵.

Вклад Мегавати Сукарнопутри, следующего президента Индонезии, в демократический имидж страны проистекает из ее

внешней политики многовекторности и открытости, при которой были заложены ключевые основы современной направленности индонезийской дипломатии в регионе, в АСЕАН и в мире. При Мегавати формируется и сегодняшний имидж Индонезии, как посредника и противника конфликтов. Так, Индонезия осудила вмешательство США в Ирак и Афганистан, предложив посреднические услуги в этих конфликтах. Похожую позицию дипломатия Мегавати отстаивала и в рамках Ближневосточного конфликта, что уже тогда повлияло на восприятие Индонезии как миротворца.

«Реформационных» президентов сменил Суило Бамбанг Юдойоно – уже как всенародно-избранный президент. Знаменитая речь-манифест Юдойоно «Indonesia 2004–2009: Vision for Change», произнесенная им 26 мая 2004 г. в сингапурском отеле «Шангри-Ла» на конференции, посвященной выборам в Индонезии, открыла новую эпоху в индонезийской постреформационной политике.

Юдойоно объявил основой своей программы четыре столпа: процветание, мир, справедливость и демократию. Его главной идеей в тот период был план повышения экономического благосостояния, нацеленный на экономический рост не менее 7% ВВП и возрождение малых и средних предприятий. Юдойоно также говорил о сокращении бюрократизма, улучшении трудового законодательства и искоренении коррупции сверху вниз. Юдойоно с приходом к власти заявил о необходимости возвращения Панча Сила как универсальной основы для демократического развития.

20 мая 2005 г. в своей речи перед индонезийским советом по международным делам (ICWA) президент обозначил, что Индонезия является третьей в мире демократией и страной, где ислам успешно сосуществует с прогрессом и демократическими принципами. В той же речи президент обращался к старым принципам индонезийской дипломатии, говоря о независимой и активной политике страны, сформулированными еще М. Хатта в 1948 г. Данное выступление вполне можно принять за аналог внешнеполитической концепции, принятой конкретным лидером на период его президентства, что в очередной раз свидетельствует об отсутствии фундаментальных изменений во

внешней политике, которая, однако, при президенте от демократической партии, начала содержать в себе также и демократический элемент, на который теперь опиралось традиционное стремление Индонезии играть роль дипломата, миротворца и посредника в региональных и глобальных делах. При Юдойоно Индонезия также выступает с инициативой создания органа по правам человека в рамках АСЕАН. В 2008 г. с целью содействия демократии, правам человека, равенству и взаимному уважению начал функционировать Балийский демократический форум — встреча, проводимая на о. Бали, в которой принимают участие представители стран АТР и по сей день является важной основой диалога о демократии в регионе.

Подобная концептуализация, основанная на демократических нормах, встретила положительный отклик даже среди ведущих ученых западного мира, как Амитав Ачарья, который отметил, что «Индонезийская история показывает, что страна пошла по другому пути в рамках формирования своей собственной силы по сравнению с другими странами. Этот путь не столько основан на военной мощи или экономических ресурсах; скорее, он опирается на развитие гармоничных соотношений трех факторов: демократии, развития и стабильности, сочетая это со сдержанной внешней политикой по отношению к соседям и активным взаимодействием с миром в целом. Это главный урок из истории Индонезии, на который следует обратить внимание»¹⁶.

Дипломатия «президента из народа» Джоко Видодо продолжила курс на закрепление достижений Юдойоно в глобальных масштабах.

Индонезия продолжила отстаивать свои взгляды, на площадках ООН и, в особенности, Совбеза ООН. Важными приоритетами глобальной многовекторности стали Организация исламского сотрудничества, АТЭС, G20 и многие другие форумы, региональные и международные организации в различных сферах, АСЕАН также сохранил свою приоритетность при Видодо¹⁷.

Первый срок Дж. Видодо отмечен весьма важной для самой Индонезии и региона инициативой — в 2014 г. президент обнародовал доктрину «Индонезия — Морская ось мира» (ИМОМ)¹⁸, а министр иностранных дел страны Ретно Марсуди

отметила, что стремление Индонезии стать морской державой свидетельствует о новом уровне индонезийского самосознания, что разительно отличается от предыдущих попыток только лишь восстановить и улучшить международный имидж.¹⁹ Смысл этой инициативы состоит в превращении Индонезии в мировую морскую державу. Концепция «морской оси» имеет международный, региональный и внутренний аспекты и затрагивает интересы во многих секторах мировой политики и экономики Индонезии²⁰.

В период второго срока президента, в связи с кризисом глобальной пандемии COVID-19 и снижением темпов экономического развития, Индонезия пересмотрела внешнюю политику под сугубо практические задачи, направленные на привлечение инвестиций, развитие инфраструктуры и экономики. При этом, демократический дискурс остается важной чертой официальной риторики президента²¹.

Индонезийский исследователь Хендра Марунунг из Президентского Университета полагает, что популистское стремление Юдойоно и Джоко Видодо к участию Индонезии в основополагающих декларациях и международных документах системы защиты прав человека и демократических ценностей сделало эти внешние темы частью внутривнутриполитической реальности и обязательств самой страны, сподвигших власти к проведению различных малых реформ на ключевых направлениях²².

Безусловно, здесь можно согласиться с подобной закономерностью, так как желание обрести статус глобальной державы, так или иначе, привлечет Индонезию к интеграции новой ценностной базы в свою ранее изолированную самобытную политическую и идеологическую архитектуру. Также можно предположить, что синкретическая природа индонезийской политической культуры позволит сделать это достаточно быстро и безболезненно.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что индонезийская демократическая идентичность, как и многие другие составляющие широкой и разнообразной политической базы страны выступает своего рода синкретической концепцией, берущей свое начало в особых идеологических принципах государства, таких

как Панча Сила, и представляет собой именно самобытную концепцию демократии. Ключевым отличием индонезийской демократии является акцент на социальные процессы и принципы социальной справедливости, что мало соотносится с экономической политической и юридической природой современных концепций демократии на Западе, опирающихся на свободный рынок, права человека и демократические институты.

Главным инструментом реализации индонезийской демократии является сам индонезийский народ как самостоятельный и единый в своем разнообразии субъект политического процесса. В то же время, активное развитие демократии нельзя отнести лишь к периоду Сукарно и его идеологии, как и нельзя говорить о том, что демократия Панча Сила была изменена в значительной степени идеологическими реформами режима Нового Порядка. Мы можем наблюдать гармоничное переплетение старых и новых принципов на каждом из исторических этапов.

Особое внимание мирового сообщества в вопросе демократизации Индонезии привлекает Реформация, положившая начало многим процессам и системам, которые могут быть восприняты в качестве классических демократических институтов, однако автор статьи по-прежнему полагает, что самобытная природа внутренних процессов Реформации повлияла на облик демократии в большей степени, чем внешние идеи, так как демократия стала частью дискурса возрожденных и подавляемых при Сухарто элит, а не новых групп влияния, образованных на базе западных демократических принципов.

Универсальность и гибкость Панча Сила также передалась и образу индонезийской демократии во вне и внутри страны, что позволило ей обрести уникальную природу и одобрение в глазах различных политических сил по всему миру. Вовлечение Индонезии в глобальные системы защиты прав человека и демократических ценностей повлияли на концептуальные основы внешней и внутренней политики, вместе с тем, эти основы обрели свою нишу в политическом процессе и часто выступают эффективным инструментом формирования позитивного имиджа страны на мировой арене.

Из этого следует, что свойственный ряду ученых и политиков на Западе поиск в структуре индонезийской демократии

элементов демократии в ее классическом американском или европейском понимании, не всегда может привести к верной оценке влияния этой идеи на индонезийское общество.

Без учета традиционных основ индонезийской политической культуры и ее исторических корней достаточно трудно говорить об объективности анализа феномена демократии в Индонезии. В связи с этим комплексные междисциплинарные исследования этого направления позволят сформировать более точное представление о необычном процессе сосуществования глобальных и локальных ценностей в рамках особых культурно-цивилизационных реалий современной Индонезии.

¹ Piccone, T. J. 2016. *Five rising democracies: And the fate of the international liberal order*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. P. 25.

² Secretary Michael R. Pompeo Travels to Indonesia To Underscore Shared Vision of a Free and Open Indo-Pacific Region. URL: <https://www.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-travels-to-indonesia-to-underscore-shared-vision-of-a-free-and-open-indo-pacific-region/>

³ *American Power and Liberal Order: A Conservative Internationalist Grand Strategy*. (2016). S.l.: Georgetown University Press.

⁴ Robinson, K. M. 2010. *Gender, Islam, and democracy in Indonesia*. London: Routledge. P. 149.

⁵ Alagappa, M. 1996. *Political legitimacy in Southeast Asia: The quest for moral authority*. Stanford University: Stanford University Press. P.234.

⁶ Ramage, D. E. 1993. *Ideological discourse in the Indonesian new order: State ideology and the beliefs of an elite, 1985-1993*. Ann Arbor Mich.: U.M.I. P. 100.

⁷ Другов А. Ю. Индонезия: судьбы национальной идеологии // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2016. № 32. С. 53.

⁸ Eklöf, S. 2004. *Power and political culture in Suharto's Indonesia: The Indonesian Democratic Party (PDI) and decline of the New Order (1986-98)*. Copenhagen: NIAS. P.87.

⁹ Bünte, M., & Ufen, A. 2009. *Democratization in post-Suharto Indonesia*. London: Routledge. P. 179.

¹⁰ Künkler, M. 2013. *Democracy and Islam in Indonesia*. New York, NY: Columbia University Press. P. 26.

¹¹ Eklöf, S. A. 1999. *Indonesian politics in crisis: The long fall of Suharto, 1996-1998*. NIAS. P. 78.

¹² O'Rourke, K. 2003. *Reformasi: The struggle for power in post-Soeharto Indonesia*. St. Leonards, N.S.W.: Allen & Unwin. P. 213.

¹³ Almuttaqi, A. I. 2020. *Jokowi's Indonesia and the world*. Singapore: World Scientific Publishing. P. 23.

¹⁴ Lukens-Bull, R. 2016. Islamic higher education in Indonesia: Continuity and conflict. New York: Palgrave Macmillan. P. 6.

¹⁵ Другов А.Ю. Абдурахман Вахид – четвертый президент Индонезии: ислам и демократия совместимы // «Восток» (Oriens) № 4, 2017. С.85-91.

¹⁶ Acharya, A. 2015. Indonesia matters: Asia's emerging democratic power. Singapore: World Scientific Pub. P.91.

¹⁷ Almuttaqi, A. I. 2020. Jokowi's Indonesia and the world. Singapore: World Scientific Publishing. P.14.

¹⁸ Kurlantzick., J. 2014. Jokowi's Maritime Doctrine and What It Means. The Diplomat. URL: <http://thediplomat.com/2014/11/jokowis-maritime-doctrine-and-what-it-means/>

¹⁹ Marsudi R. Tiga Prioritas Politik Luar Negeri Indonesia.2014. URL: <http://international.sindonews.com/read/947842/40/tiga-prioritas-politik-luar-negeri-indonesia-1420705386>.

²⁰ Ефимова Л. М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО. 2015. №6 (45). С. 197.

²¹ Ramraj, V. V. 2020. COVID-19 in Asia: Law and policy contexts. New York, NY: Oxford University Press. P. 55.

²² Manurung, H. 2017. Indonesia's Democracy under Joko 'Jokowi' Widodo Leadership: Constructing Human Rights in Globalization (2014-2019). SSRN Electronic Journal. doi:10.2139/ssrn.2940751